Разговор с хирургом

Длинный поезд стоял на первой линии. Людей на вокзале почти не было. Мефодий отыскал в вагоне свободное место и примостился у самого окна. Немного спустя вошел какой-то незнакомец и сел возле него. Раздался свисток, и поезд тронулся, заскрипев тяжелыми колесами. За окном слегка задрожали ночные фонари и медленно поплыли назад.

Мефодий вынул книгу и положил у себя на коленях. Потом еще раз взглянул в окно и задумался. Много раз он ехал по этой железной дороге, но никогда у него не было такого душевного состояния прежде, как теперь. Война...

— Извините, молодой человек, — прервал его размышления незнакомец, — что это у вас за книга?

— Евангелие, — спокойно ответил Мефодий.

Тот посмотрел на него и ничего не сказал. Ехали некоторое время молча. Пришел кондуктор, проверил билеты и вышел. За стеной соседнего купе послышался звон гитары, и кто-то запел. Поезд мчался в темноту ночи, мерно постукивая колесами на стыках рельс.

— И вы в самом деле верите в Евангелие? — спросил незнакомец.

— Да, верю, — спокойно ответил Мефодий. — Верю, потому что эта книга дала мне жизнь. Когда-то я не верил, но это было такое время, когда я искал себе не жизнь, а смерть. Тогда я хотел избавиться от жизни самоубийством, но после, читая эту книгу, я убедился, что есть для чего жить на свете, что сама жизнь хороша, только люди своими делами исковеркали ее, сделали ее тяжелой и невыносимой. И если эта книга спасла мне мою жизнь, дала мне веру, то как же я могу не верить в нее? Незнакомец улыбнулся, вынул из кармана очки, протер их полою пиджака и

подсел ближе к Мефодию.

— Все это, молодой человек, что вы сказали, глупости, извините за откровенность. Евангелие — старая и отжившая свой век книга. Это сборник легенд древности, и я, правду говоря, очень удивляюсь, что вы в наш век, век культуры и цивилизации, еще верите в то, что не выдерживает малейшей критики. Вот, например, когда вы верите в Евангелие, то вы должны верить и в Бога, и в душу, и в загробную жизнь. А я вот уже шестнадцать лет работаю как доктор-хирург, и за это время я много делал операций, видел тысячи умирающих людей, был в военных госпиталях, но души в человеке не видел никогда. Человек умирает, и на этом все кончается. Религия, не забудьте, нужна для неграмотных людей, она подходила для средневековья, но для нашего времени, для нашего периода она не нужна. Через несколько дней я еду ближе к фронту, как доктор, и, наверное, там придется спасать не одну жизнь от смерти. Но я глубоко уверен, что души не найду ни в одном умирающем солдате. Да, молодой человек, бросьте эти сказки...

Мефодий со вниманием слушал незнакомца, но слова его не произвели на него никакого впечатления. С подобными людьми он встречался много раз, а потому все это не было для него новым. Его вера была тверда и непоколебима, как скала.

— Это ваше личное мнение, уважаемый доктор, — ответил Мефодий, — а также мнение всех атеистов. Что же касается меня, то я знаю Евангелие не в пустой теории, а с практической, жизненной стороны. Я пережил его лично, воспринял его всем моим существом, и, если бы я сегодня потерял веру в Евангелие, сделался бы таким, как вы, атеистом, тогда я не имел бы никакой цели в жизни. Тогда ни за что не хотел бы существовать в этом культурном мире. Вы полагаетесь на современную цивилизацию, а посмотрите хорошо на нее, и вы убедитесь, что в наш век нет настоящей цивилизации. В прошлые времена, когда не было такой цивилизации и культуры, людям жилось гораздо лучше. Между народами было больше согласия, не проливалось столько крови. Что касается души, то если бы вы оперировали меня, то моей души тоже не нашли бы, а между тем она вот говорит с вами. Вы не нашли бы у меня также знания испанского языка, знания музыки, не нашли бы любви к моей матери, не нашли бы ненависти к войне, не увидели бы в моем теле веры, какого-либо моего желания, способностей или неспособностей к науке, но это еще не значит, что всего этого у меня нет. Вы удивляетесь моей вере в Евангелие, а я удивляюсь, что вы не верите в то, чего не можете видеть вашими глазами, к чему не можете прикоснуться руками. На свете есть очень много вещей, которых мы не видим. Не правда ли?

Доктор хотел что-то возразить, но поезд вдруг задрожал и начал останавливаться.

Послышались громкие голоса кондукторов. — Воздушный налет! Вражеские самолеты! Все должны выходить...

Поезд остановился в густом сосновом лесу. Люди выскакивали из вагонов и старались укрыться где как могли. Высоко в небе слышен был зловещий гул неприятельских самолетов, взрывы бомб сотрясли землю. Небо осветилось красным заревом пожаров, земля дрожала, словно кто-то долбил ее тяжелым молотом...

Потом все стихло, гул самолетов медленно удалялся, а в лесу опять запахло зеленью, прохладой и тишиной ночи. Поезд медленно двинулся дальше.

Мефодий нашел свое место в поезде, сел опять у окна. Незнакомец не вернулся, и начатый разговор их остался неоконченным.

Комментарии
